

Обмен душами?

Надо же, до чего же занятно.

Свежая тема так разбудила любопытство Шэнь Цинланя, что он перестал проглатывать страницы прежних романов целиком и теперь вчитывался в каждую строчку, не пропуская ни единого слова.

—

Бедного сюца в этой истории звали Чжан Ци, а богатого гэра звали Тан Лэ, отпрыском самого правителя области.

Завязка повторяла привычный шаблон историй о богатых красавицах и бедных ученых: сюцай Чжан Ци отправился в столицу сдавать экзамены, но, испытывая нужду в дорожных расходах, остановился в храме, где и повстречал Тан Лэ, сына правителя, приехавшего туда же вознести молитвы.

Вот только их первое знакомство вышло на редкость неудачным.

Тан Лэ, избалованный родительской любовью, отличался крутым нравом, поэтому, когда Чжан Ци ненароком запачкал его одежду, он в сердцах наговорил бедному студенту кучу гадостей.

Чжан Ци, при всей своей бедности, терпеть не мог, когда его считали за ничтожество, так что они от души поскандалили и разошлись каждый в свою сторону, оставшись при крайнем недовольстве.

Чжан Ци возмущался избалованностью Тан Лэ!

Тан Лэ, в свою очередь, не мог простить Чжан Ци отсутствия мужских манер и его ядовитого языка!

Кто бы мог подумать...

В ту самую ночь, из-за того что на небесах сцепились в драке божества, их души совершенно неожиданно поменялись местами, переселившись в чужие тела.

Чжан Ци превратился в «гэра» Тан Лэ.

Тан Лэ превратился в «бедного сюца» Чжан Ци.

И что теперь делать?

— У меня же скоро экзамены, ты сможешь сдать их за меня?! — в панике воскликнул Чжан Ци.

— А у меня же скоро сватовство, ты сможешь пойти на смотрины вместо меня?! — не менее отчаянно закричал Тан Лэ.

Они выходили из себя, ругались и таращили друг на друга глаза, пока...

В конце концов, не видя иного выхода, им пришлось временно отложить взаимные обиды и объединить усилия для поиска способа вернуть души на места.

Разумеется, этот период сопровождался изрядной кутерьмой.

Однако постепенно, проводя вместе всё больше времени, они начали замечать друг в друге весьма достойные черты.

Возьмем, к примеру, Тан Лэ. Со стороны он казался избалованным, но на деле такое поведение было продиктовано его положением в семье, где отец отдавал предпочтение другим, а мачеха плела интриги. Выпуская свои шипы, он лишь защищался. Намеренно прикидываясь свирепым тигром и портя себе репутацию, он спасался от участи быть отданным в жертву какому-нибудь пожилому сановнику.

И у этого избалованного Тан Лэ находилось немало достоинств: он был оптимистичен и открыт, добр сердцем, тверд и отважен...

Или возьмем Чжан Ци. При всем его ядовитом языке, он обладал блестящим талантом, острым умом, прямоотой и внимательностью к деталям. К тому же, он обращался с девушками и гэрами совершенно не так, как прочие мужчины в этом мире.

Когда на речном берегу находили плачущую девушку, собиравшуюся броситься в воду, остальные обычно уговаривали её:

— Бросившись в реку, подумала ли ты о своих родителях? Каково им, седым старикам, хоронить собственное дитя?

Чжан Ци же говорил совсем иное:

— Девушке, верно, пришлось пережить невообразимую обиду?

Когда по дороге на них нападали горные разбойники и уводили девушек и гэров, а им удавалось вызволить пленниц и проводить до дома, остальные лишь радовались счастливому спасению и хвалили себя за доброе дело.

Чжан Ци же начинал тревожиться:

— Если мы просто так вернем их, односельчане непременно начнут кривотолки и запятнают репутацию этих девушек и гэров, нам нужно придумать более обдуманый план.

А когда они нарвались на местного хулигана и богача, по чьей вине угодили в тюрьму, Тан Лэ рыдал от обиды и тоски, уткнувшись лицом в ладони.

Чжан Ци же нашел в себе силы даже сочинить шуточное стихотворение:

Решетка мне друг, а луна мне сосед,

сверчок по ночам мне читает сонет.

Стражник спросил: брат, хочешь ты есть?

Отвечу: наелся я ветром, с блохой на десерт !

Тан Лэ фыркнул, и уголки его губ дрогнули в невольной улыбке, позабыв о грусти.

К счастью, в конце концов им удалось благополучно выбраться из переделки.

Их души тоже успешно вернулись на свои места.

А пережив вместе всю эту кутерьму и разделив немало веселых моментов, узнав друг друга с совершенно новой стороны, они начали питать друг к другу совсем иные чувства.

Они признались друг другу в чувствах под лунным светом, дав обещание быть вместе до конца дней.

— В эту ночь мы с тобой, поклонились луне. — произнес Тан Лэ — Теперь я наконец понял, что у меня в жизни есть всего три желания: первое, чтобы мой господин жил тысячу лет; второе, чтобы я всегда был здоров; третье, чтобы нам, подобно ласточкам под стрехой, встречаться с тобой из года в год.

— Я, Ци, желаю быть с Лэ Лэ в согласии, и пусть наша жизнь не знает увядания. — ответил Чжан Ци — Пока горы не потеряют свои вершины, пока реки не пересохнут, пока зимние

грозы не разорвут небо, пока летний снег не падет, пока небо не сольется с землей, до тех пор я не расстанусь с Лэ Лэ!

Какие прекрасные клятвы, какое счастливое мгновение.

Жаль лишь, что прекрасное всегда скоротечно.

Об их чувствах узнал господин Тан, который, презирая Чжан Ци за то, что тот всего лишь бедный сюдай, решительно воспрепятствовал их союзу, запретив им быть вместе.

Им пришлось расстаться.

Чжан Ци избили до полусмерти, но он всё равно поднялся из грязи, отряхиваясь, и в его взгляде не было ни капли смирения, лишь непоколебимая решимость.

— Господин Тан, даже если сегодня вы забьете меня до смерти, знайте, что мы с гэрмом Лэ любим друг друга искренне и не пожалею об этом до самого конца! Не зря же говорят: не смейтесь над бедностью юности! Господин Тан, дайте мне время. На этих экзаменах я непременно займу почетное место в списке сдавших, и тогда я на большой повозке, запряженной восьмеркой лошадей, открыто и честно приеду свататься к гэрму Лэ!

А затем...

А затем ничего. Продолжение следует.

— А-а-а, всё, почему всё? Почему оборвалось! Чжан Ци вообще попадет в список сдавших? И они с гэрмом Лэ смогут быть вместе? Только бы они оказались вместе, иначе я просто умру от слёз. «Пока горы не потеряют вершины, пока небо не сольется с землей, до тех пор я не расстанусь с Лэ»... У-у-у, какие прекрасные слова, у Чжан Ци такой талант!

Шэнь Цинлань, с головой ушедший в чтение, от такого обрыва повествования взвыл и начал кататься по полу.

Ему безумно нравилась эта книга «Записки о двух душах». Чжан Ци в ней был воплощением истинного благородного мужа. Такой талантливый, такой умный и отважный, такой остроумный, и при этом так уважающий девушек и гэров...

Прямо-таки бил в самое сердце.

— Хозяин Ван? Где хозяин Ван?

— Цяодун, Цяоси, Цяонань, Цяобэй, бегите живо, найдите мне хозяина Вана, мне нужно продолжение «Записок о двух душах»!

Шэнь Цинлань, совершенно очарованный историей и не в силах остановиться, навопившись и накатавшись, тут же потребовал позвать хозяина Вана.

А затем приказал:

— Найди автора «Записок о двух душах», спроси, когда он напишет продолжение? Сейчас, немедленно, сию же минуту ступай.

Хозяин Ван замялся:

— Да вот только, молодой господин, скоро вечер.

Вдруг не успею добежать, попадусь на глаза патрулю во время комендантского часа и угоду в тюрьму, что тогда делать?

Шэнь Цинлань махнул рукой:

— Если побежишь быстро, точно успеешь. Не успеешь домой, ночуй в гостинице, расходы я возьму на себя, а жалованье за этот месяц удвою.

Хозяин Ван решил:

Ладно, ради двойного жалованья, стоит постараться!

И, работая ногами как мельничными крыльями, он понесся в академию Сяннань требовать продолжения.

Разбуженный среди ночи привратником академии Хань Чжан лишь вздохнул.

Да ладно, ну право же, не стоит того.

...

Выпускать дополнительные главы? Ни за что.

Хань Чжан как раз ждал, когда Шэнь Цинлань сам придет к нему. Если он отдаст продолжение «Записок о двух душах» прямо сейчас, какой тогда повод и мотивация будет у его прекрасного

супруга, чтобы навестить его?

Разумеется, хозяин Ван вернулся с пустыми руками и в унынии доложил:

— Молодой господин, господин Хань сказал, что ему еще нужно выполнять задания наставника и готовиться к экзаменам в следующем году. Продолжение «Записок о двух душах» выйдет не раньше конца месяца.

Услышав это, Шэнь Цинлань ужасно расстроился:

— Конец месяца? Да сейчас же только начало!

Целый месяц, это слишком долго, он просто не сможет ждать.

Шэнь Цинлань заволновался:

— Ты что, не сказал, что наша лавка может заплатить вдвое больше? Нет, так втрое, вчетверо, у меня есть деньги.

— Молодой господин, господин Хань ведь учащийся академии Сяннань. Как выходцу из бедной семьи, ему было нелегко туда попасть, как он может ради написания романов откладывать великие дела? — С сожалением произнес хозяин Ван — Раз господин Хань пришел в нашу лавку продавать рукопись, видимо, его семья и вправду так бедна, что он был вынужден на это пойти.

Хотя академия Сяннань и не считалась первоклассной в столице, она всё же входила в число самых известных мест.

А её учащимся полагалось сосредоточиться на подготовке к экзаменам.

Так что Шэнь Цинланю ничего не оставалось, как смириться.

Но стоило ему подумать о том, что «Записки о двух душах» оборвались на самом интересном месте, как его сердце начало скрестить кошки, и он жаждал узнать, что будет дальше!

Этот господин Хань тоже хорош, писал бы себе роман, но нужно же было оборвать всё именно в тот момент, когда Чжан Ци так величественно бросает громкие слова, он просто убивает меня нетерпением...

Шэнь Цинлань голосил без остановки.

Помучившись в нерешительности, он наконец решил переложить свои страдания на чужие плечи и поделиться этим романом со своим самым-самым-самым лучшим другом-неудачником: гэрмом из семьи левого помощника главного цензора, Ань Юнъянем.

И вот, Ань Юнъянь, точно так же дочитав до середины и обнаружив, что история не закончена, тоже пришел в полное смятение.

— Лань-гэ, а что дальше? Ты что, не все страницы взял?

— Ничего я не терял, история еще не дописана, продолжение выйдет не раньше конца месяца.

Ань Юнъянь: ...

— А-а-а, Шэнь Цинлань, ты опять меня подставил!

Шэнь Цинлань невинно поморгал и с абсолютно невинным видом ответил:

— Да что ты, мне просто не терпелось поделиться с тобой своим любимым романом, хотелось тебя порадовать.

— И как, по-твоему, я сейчас рад?

Ань Юнъянь сердито зыркнул на своего ненадежного друга.

Увидев это, Шэнь Цинлань хихикнул, а затем поспешил обнять друга за руку и начать канючить.

— Янь-гэ, хорошие братья должны делить и радость, и горе, верно? Этот роман так меня зацепил, так взбудоражил, что если я не найду кого-нибудь, с кем можно это разделить, вместе проклинать этого проклятого Автора, я просто не смогу уснуть. Мой милый Янь-гэ, ты просто обязан составить мне компанию, иначе как я смогу звать тебя другом.

Ань Юнъянь кивнул:

— Тогда мы больше не друзья! Ты и вправду большое наказание.

Янь-гэ и вправду хочет разорвать дружбу? И еще называет его наказанием.

Шэнь Цинлань выпучил глаза!

Шэнь Цинлань не мог поверить!

Шэнь Цинлань был ужасно поражен!

<http://bllate.org/book/20159/2103372>